

Номады азиатского материка

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР МОНГОЛАЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ч. К. Ламажаа

Аннотация: В статье представлен обзор литературы по теме национального характера отдельных монголоязычных народов Центральной Азии, которые составят библиографическую основу электронной базы данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур».

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ (грант №13-03-12003в).

Ключевые слова: национальный характер, Центральная Азия, база данных, обзор, описание, монголы, буряты, калмыки.

В рамках работы над коллективным проектом «Электронная база данных “Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур”» (Канарш, 2013) мы произвели сбор и отбор имеющихся описаний, исследований национального характера народов Центральной Азии (см. постановку вопроса по теме: Ламажаа, 2013а), а также представили обзор литературы по некоторым представителям тюркоязычных этносов — казахам, хакасам, алтайцам, тувинцам (Ламажаа, 2013б: электр. ресурс). На этот раз я попытаюсь обозначить наиболее интересные публикации по монголоязычным народам региона, в частности — монголам, бурятам и калмыкам.

Напомню, что под термином «Центральная Азия» мною понимается территория распространения кочевого типа хозяйствования в Казахстане, Монголии, Китае (Синьцзянь-Уйгурский Автономный округ, Внутренняя Монголия), России (республиках Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, отчасти Иркутской и Читинской областях). Уточнение термина сегодня особенно необходимо в связи с распространившимся в постсоветское время обозначением как «Центральной Азии» исключительно среднеазиатских стран

СНГ, что породило в числе прочего и дискуссии в научной среде (см.: Ламажаа, 2013а).

Монголоязычные народы Центральной Азии так же, как и другие народы, имеют сложную этническую историю, имеющую много общего, но при этом со своими отличиями. В науке присутствуют разные теории этнического происхождения как собственно монголов, так и бурят и калмыков. Не вдаваясь в разбор подобных работ, я буду опираться на положение о формировании их из монголоязычных племен региона, которые вели кочевой образ жизни, понимая этнокультурную и языковую близость, общность народов. Соответственно, с точки зрения архетипов, традиционной картины мира, древнего культурного наследия, можно говорить в целом о монгольском культурном мире, о монгольских образах, а также, возможно, об условном общем монгольском национальном характере. Тем не менее историческая память этносов содержит в себе ряд особенностей, связанных с определенными историческими событиями, сложившимися отношениями со своими соседями, а также к родственным монгольским этносам. Если древняя история имеет общие (или близкие по происхождению) источники, то современный срез позволяет обогатить наши представления при помощи самых разнообразных источников.

Для освещения тематики национального характера важны, прежде всего, описательные работы — художественные произведения, публицистика, путевые заметки, философские работы и пр., в которых можно увидеть интуитивно «схваченные» черты, качества, типы, которые в своем единстве, взаимопереплетении могут нам передать специфику народа, его менталитета, характера. Хотя, безусловно, ценность имеют и научные выводы этнографов, филологов, историков, культурологов и др. При этом, как мы уже выяснили, целесообразно применять методiku деления текстов по авторскому взгляду — «изнутри» (описания национального характера, которые делают представители самого этноса — автостереотипы) и «извне» (заключения наблюдателей — представителей другого этноса, другой культуры — гетеростереотипы). Тем самым рассматриваемый предмет (национальный характер этноса) приобретает многогранный вид.

Монголы. Национальный менталитет монголов «извне» нашел свое отражение в многочисленных книгах и статьях дореволюционных и послереволюционных российских и советских авторов, путешественников, ученых, дипломатов, журналистов, специалистов и т. д. Известна, например, книга И. М. Майского «Современная Монголия» (Майский, 1921). Считается, что обычаи и черты характера монголов отражены в данной

работе настолько полно, что без цитирования из этого труда не обходится ни одна из публикаций об обычаях монголов. Автор отмечает изумительную наблюдательность, природное любопытство, добродушие и гостеприимство монголов.

Из современных российских ученых монгольской духовной культуре посвятили свои работы Н. Л. Жуковская, Л. Л. Викторова, Л. Г. Скородумова, М. И. Гольман, В. В. Грайворонский, В. Л. Нейдинг. Известная исследовательница монгольской культуры Н. Л. Жуковская в научно-популярном издании «Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах» (Жуковская, 1990) пишет о монгольском гостеприимстве, степени, неспешности, любви к традиционному порядку.

Специалистами-монголоведами высоко оцениваются книги журналиста Л. И. Шинкарева (Шинкарев, 1981; 2006). В документальном повествовании о жизни Цеденбала (руководителя Монголии 1940–1980-х годов) и его русской жены А. И. Филатовой, которое автор восстанавливал на основе писем, дневников, воспоминаний героев, свидетельств современников, архивных материалов, можно увидеть встречу культур — монгольской и русской. Супруга Цеденбала, например, удивлялась иносказательной, кодированной, казалось бы, отвлеченной от дела речи монгольских родственников, безусловному согласию, которое высказывали хозяева в ответ на любые слова гостей. Все это ее раздражало, казалось непонятным детством, тогда как перед ней были особенности местного этикета, норм общения, которых придерживались монголы.

В последние годы интересные исследования ценностных ориентаций современных монголов проводят Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев (Попков, Тюгашев, 2012: Электр. ресурс), А. В. Иванов (Иванов, 2009: Электр. ресурс) и др. Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, упоминая о том, что русский национальный характер определяется этнопсихологами как характер интуитивно-этического интроверта, а национальный характер монголов — как характер сенсорно-логических экстравертов, то отношения между этими характерами выступают как отношения взаимного дополнения (Попков, Тюгашев, 2012: Электр. ресурс). А. В. Иванов, выделяя константы монгольской культуры и отмечая черты монгольского национального характера, например, пишет о своих ощущениях в Монголии, как о психологической комфортности в этой стране для русского человека. В связи с этим он вспоминает об экзистенциарной комплиментарности, о чем писал Л. Н. Гумилев, пытаясь передать чувство близости русских с монголами, которое не появляется у первых даже в восточноевропейских терри-

ях. Сравнение же темпераментов народов позволяет философу отметить, что монгол в сравнении с русским более нетороплив и дольше раскачивается на какое-нибудь дело. «Временной фон его существования отличается большими амплитудами и отчетливо выраженной цикличностью, соответствующими естественным временным циклам его хозяйственной деятельности: рождению и забою скота, появлению первой весенней травы или молока у кобылиц и т. д.» (Иванов, 2009: Электр. ресурс).

Так, одними из часто упоминаемых черт национального характера и исследователи, и журналисты, и просто наблюдатели называют близость к природе (любовь к просторам, созерцательность, так называемую естественность), самодостаточность, неторопливость, наблюдательность, любознательность. Это признают за собой и сами монголы. Например, политический деятель Ц. Балхаажав описывает такой характерный стиль поведения монгола: «...поднявшись на вершину горы, монгол увидит новое, переправившись через широкий простор, почувствует еще новое, погостив у соседа, узнает о новом. Все это происходит постепенно, опыт обогащается и укладывается в жизни. Именно в этом заключается честный, дальновидный, прямой характер монголов» (цит. по: Буяндэлгээр, 2012: 14).

Психолог Буяндэлгэр Одгэрэл считает, что «педантичность у будущих педагогов Монголии обусловлена природой, национальными и религиозными традициями, культурой и методами воспитания» (там же: 13–14). Речь идет о характерных традиционных особенностях, которые порой сегодня сложно найти у современных, тем более молодых монголов (например, наблюдатели сегодня часто отмечают у монголов любовь к лихачеству при езде на автомашинах, эмотивность (возбудимость)).

Но те же монголы, признавая глубокие корни своей культуры и традиционность мышления соплеменников, тем не менее не ограничиваются идеальными образами, идеальными чертами. Например, известный монгольский политический деятель, публицист Баабар (литературный псевдоним Б.-Э. Батбаяра) достаточно строг в оценке своих соотечественников, полагая, что кочевой уклад сформировал такие черты, как леность, непунктуальность, лживость. Договориться между собой монголам зачастую труднее, чем с представителями других народов (см.: Монгольский менталитет в бизнесе, электр. ресурс).

Буряты. Бурятский национальный характер представлен в национальной литературе этого народа (взгляд «изнутри»). Причем интерес представляет не только сам факт такого вполне естественного отражения, но и литературоведческие исследования в этом направлении, один пере-

чень которых говорит нам о сильной филологической, культурологической школе Бурятии. Данная тема специально разобрана в публикациях С. И. Гармаевой (Гармаева, 1997), С. Ж. Балданова (Литература народов..., 2008), Э. С. Сангадиевой (Сангадиева, 2004), З. А. Серебряковой (Серебрякова, 2004, 2006, 2007, 2009), Т. Б. Баларьевой (Баларьева, 2004), М. Д. Данчиновой (Данчинова, 2007), Л. Ц. Халхаровой (Халхарова, 2007), Г. Ц.-Д. Буянтуевой (Буянтуева, 2011) и др. Филологи в частности отмечают богатство, традиционность и ценностную насыщенность произведений Ж. Т. Тумунова, Ч. Цыдендамбаева, А. Ангархаева, Д. Батожабая и многих других прозаиков и поэтов.

Как пишет С. И. Гармаева: «Сохраняя эпическую образную триаду: земля — человек — вселенная, бурятская художественная традиция опирается при этом на определенные реалии этого историко-географического синтеза — степную стихию кочевой культуры и всего, что с этим связано. Именно в незамкнутой свободе и пространстве этой стихии зародились такие компоненты поэтики как образная модель мира и дома — юрта, коновязь, степь, система динамичных сюжетов странствий и скитаний героев и другое, что в свою очередь делает художественную традицию всегда живой и действенной» (Гармаева, 1997: 55).

З. А. Серебрякова, анализируя произведения А. Ангархаева, называет среди черт национального характера бурят чувство рода, включающего в себя ответственность перед людьми, перед потомками. Важны также чувство родства с природой, умение обращаться с домашними животными, забота о детях, высокая нравственная требовательность (Серебрякова, 2009). По мнению Г. Ц.-Д. Буянтуевой, такие национальные бурятские черты, как степенность, созерцательность, склонность к размышлению (в определенной мере связанные с влиянием буддийской традиции), сочетаются с излишней замкнутостью, даже скрытностью, стремлением ничем не обнаружить своих истинных чувств и побуждений, даже самых благородных (Буянтуева, 2010).

Если филологи нацелены, прежде всего, на фиксацию традиционных черт национального менталитета, отражающихся в литературе, то психологи, педагоги работают уже больше с трансформирующимися, меняющимися характеристиками, тем не менее, всякий раз сверяя их с «образцами». Ряд публикаций по этнопсихологии бурят имеется у А. А. Елаева (Елаев, 2000), И. Э. Елаевой (Елаева, 2004, 2005), Т. Ц. Дугаровой (Дугарова, 2010а, 2010б, 2012а, 2012б и др.). Последняя пишет, что современный человек в бурятской культуре находится в поиске ориентиров для

преодоления кризиса этничности и для восстановления непосредственных родственных связей. До сих пор у современных бурят достаточно высока традиционность отношения к дому, символическая значимость национальной одежды, украшений, актуальна идентификация с тотемом — первопредком, что помогает чувствовать свою сопричастность к роду, племени, наделяет духовной силой (Дугарова, 2010а: 23). Психолог также отмечает, что невербальное общение у бурят посредством телодвижений осталось по архетипической сути архаическим. В контексте знаковости общения обратили внимание на характерную коммуникативную особенность бурят — сдержанность, значение молчания в акте общения (там же: 25). В менталитете бурят по-прежнему сохраняется культ природы. В силу сохраняющейся естественно-природной среды обитания этноса соответственно сохраняется и своеобразие представлений о внешней, по отношению к человеку, реальности — о физическом мире природы. Культ природы распространяется на все способы существования человека (там же: 26). Правда, в связи с процессами нарастающей урбанизации у городских жителей можно наблюдать выраженное отчуждение от природы, от ряда других традиционных ценностей и норм.

Тем не менее Т. Ц. Дугарова отмечает, что в бурятском именнике сохранен первичный антропонимический фонд — исконные имена, которые основаны на культурных и религиозных традициях этноса. Современные буряты реализуют потребность в признании в диапазоне разнообразных видов деятельности, не только традиционных, но и новых, причем специфика притязаний на признание выражается через соблюдение социально-нормативного поведения. Внутриэтническая идентификация предполагает знание и соблюдение традиционных форм культуры общения. Традиционно выражена половая дифференциация, определяющая и регулирующая отношения между представителями полов. Сегодня остаются актуальными традиционные представления о роли и месте мужчины и женщины (по сей день сохраняется особое отношение к мужчинам, оно освящено традицией: сын — это будущий кормилец старых родителей, наследник семейного очага и хозяйства, он — продолжатель рода) (там же: 28–30). Особенностью этнического самосознания бурят являются нарративы, свидетельствующие об идентификации на основе родословной. И сегодня у бурят актуальны родоплеменные идентификации, клановость, что влияет на общественные отношения и политику. Историк А. А. Елаев указывает на тот факт, что не было фактов признания представителя какой-либо локальной группы бурят в качестве лидера общэтнического масштаба представителями других групп (Елаев, 2000).

Ряд исследователей указывают на особенности религиозного сознания как специфическую особенность национального характера бурят. Исконные религии (анимизм, шаманизм и буддизм) равноправно сосуществуют в самосознании бурят. Согласно И. Э. Елаевой, религиозность для части верующих – это только внешне приписанная групповая принадлежность, а не интериоризированная ценностная ориентация, т. е. человек относит себя к буддистам по номинальным признакам, в частности, потому, что его родители считают себя буддистами или потому, что это национальная религия». Смещение религиозных идентификационных практик, наивное принятие их всех – есть показатель синкретического самосознания бурят, что подчас проявляется независимо от уровня образования (Елаева, 2004, 2005).

В этнопедагогике проблематика национального менталитета, этнопсихологических особенностей бурят также востребована. Например, С.Ц.Чимитова к специфическим характеристикам познавательных процессов бурят относит хороший глазомер, наблюдательность, внимательность, настойчивость в постижении знаний, практический склад ума, рациональный образ мышления. Эксперименты педагога также подтвердили высокую значимость для народной педагогики таких качеств человека, как неторопливость и осмотрительность, уравновешенность, рассудительность (Чимитова, 1993). Этнопедагог М. С. Васильева (Васильева, 2009) отмечает, что в условиях модернизации традиционных ценностей система «семьецен-тризм» у бурят подвергается изменениям, уступая место системе «эгоцентризм» – системе индивидуальных ценностей, личных достижений.

К взгляду «снаружи» на бурятский национальный характер можно отнести выводы психолога В. Г. Крысько (Крысько, 2008). Как пишет автор, «развитие и жизнь бурят с давних пор характеризовались низким уровнем экономических отношений, длительное время определялись патриархально-родовым строем, тесными и устойчивыми связями только внутри узкого круга близких и родственников. Как правило, буряты вели кочевой образ жизни, были изолированы от внешнего мира, что сформировало их серьезную зависимость от природных сил, способствовало появлению множества традиций и обрядов, связанных со взаимоотношениями с природой. Каждое племя, каждый род могли надеяться только на собственные возможности, им неоткуда было ждать помощи» (Крысько, эл. ресурс).

Суровые природные условия, по мнению В. Крысько, которые вынуждали сформировать программу выживания, требовали развития

пространственной ориентации, физическую выносливость, наблюдательность, глазомер, внимательность и собранность. Поэтому, в национальной психологии бурят, делает вывод психолог, с одной стороны, утвердились такие качества, как выдержанность, рассудительность, немногословность, слабое выражение эмоций и чувств, внутренняя уравновешенность, а с другой — активно функционировали коллективизм, взаимопомощь, взаимовыручка, исполнительность, устойчивость родственных связей, уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность, терпеливость во взаимоотношениях (там же).

В условиях глобализации национальный характер бурят подвергается модернизационным изменениям. В частности, психолог Т. Ц. Дугарова (Дугарова, 2012б) указывает на латентную напряженность представителей традиционного общества в условиях сопряжения между миром родовых ценностей и миром глобализации. Диапазон двойственных и полярных чувств отражает личностное переживание оценки качеств (физических, личностных, социальных, этнических), смешанность этнических чувств (гордости, стыда, вины), неустойчивость этнических аттитюдов (удовлетворенность членством в этнической группе, желание принадлежать ей, потребность в признании и уважении достоинств народа, в достойном этническом статусе, желание соответствовать ожиданиям рода, племени), интраэтнические стереотипы. Данные исследования психологинга Э. В. Хилхановой (Хилханова, 2007) также указывают на противоречивость бурятского характера, проявляющуюся в языковом поведении.

Калмыки. Как автостереотипы, так и гетеростереотипы калмыцкого народа подчеркивают тему особенности калмыков от других монгольских народов.

Как пишет уже упомянутый В. Г. Крысько, исторические хроники свидетельствуют, что с древних времен ойраты (калмыки) по своему национальному характеру были по сравнению с монголами более независимыми, сплоченными, самостоятельными, настойчивыми и старательными. Мигрировав в Южную Россию, калмыки освоили огромное степное пространство, крайне редко заселенное, где они разработали свою оригинальную систему использования обширных степных пастбищ (там же).

Естествоиспытатель, лексикограф, академик И. И. Лепехин в конце XIX в. побывал в экспедициях в разных провинциях российской империи и оставил массу ценных этнографических записей, в том числе о калмыках. Он описал социальную структуру, обычаи, верования, в том числе картину миров в этой культуре, мифологические образы, богов и мн. др.

(Дневные записки... : 448–488). Помимо Лепехина, сведения о калмыках оставили П. С. Паллас, И. Г. Георги, Н. И. Страхов, Н. А. Нефедьев, Ф.А. Бюллер и др. Они отмечали у калмыков выносливость, неприхотливость, настойчивость, старательность, умение довольствоваться малым, что обеспечило успешность их жизни в достаточно трудных природно-климатических условиях.

Большое количество сведений об общественном устройстве калмыков оставил в своей работе П. И. Небольсин, отметивший, что калмыки принесли из-за Алтая то же устройство, какое имели и все монголы — основанное на началах патриархального родового их быта, с равноправием полов, с ровным, уважительным отношением мужчин к женщинам (Небольсин, 1852).

В психологии калмыков, пишет В. Г. Крысько, в целом сформировались такие черты, как ровное и равное отношение практически ко всем другим людям независимо от их пола и социального положения, стремление мирно решать спорные проблемы в общении и взаимодействии с партнерами и даже оппонентами, ориентация на бесконфликтное поведение, достижение согласия ненасильственными средствами.

Кроме того, оказывал серьезное влияние на все стороны жизни и деятельности калмыков буддизм, воспринятый ими по наследству от монголов, что не могло не найти отражения в их психологии. По этой причине в ней закреплялись такие социальные ценности, как довольство тем, что есть в жизни в настоящее время, самоограничение в желаниях и мечтах, стремление не задумываться о трудностях жизни, умение легко и быстро их преодолевать, безразличие к чужим страданиям. У калмыков формировались и такие качества, как трезвость мысли и рационализм, стойкость к страданиям, неприхотливость, непритязательность, настойчивость при достижении реально существующих целей (Крысько, электр. ресурс).

Из работ калмыцких авторов по теме интересна монография философа из Калмыкии Б. А. Бичеева «Дети неба — синие волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков» (Бичеев, 2004). Он также исходит из положения о том, что политическая, военная и культурная история калмыков во многом отлична от истории других монгольских народов. Тем не менее среди культурных констант калмыков также в первую очередь автором называются идеи рода, родства, преемственности поколений, связи с природой.

Калмыцкий исследователь С. Минаев опубликовал несколько инте-

ресных зарисовок по нашей теме, которые, передают особенности представлений калмыков о себе. Автор пишет в том числе о калмыцком идеале женщины (Минаев, Четыре..., Электр. ресурс), непосредственно о национальном характере калмыков (Минаев, Национальный..., Электр. ресурс). Основных качеств национального характера он насчитывает несколько. Это: максимализм (калмыки склонны к гиперболическим преувеличениям; мелкие проекты и делишки не вдохновляют калмыка, он от них с презрением отворачивается); индивидуализм (но не в крайних формах, а в стремлении к оригинальности, в желании выделиться на фоне других, обратить на себя внимание; благодаря индивидуализму калмыцкое общество отличается уважением к личности человека, к человеческому «эго», самолюбью; каждый калмык ощущал себя индивидуальным воплощением коллективных интересов, т. е. интересов своей семьи, своего рода, аймака и народа в целом); энергичность, активность (это проявляется прежде всего в национальных танцах, для которых характерна быстрота, искрометность, в стиле калмыцкой речи и языка); оптимизм (калмыкам свойственно концентрировать внимание на положительных сторонах жизни, видеть в человеке прежде всего его позитивную сторону); честолюбие (стремление к славе, желание быть первым во всяком деле присуще кочевникам издавна; это проявляется в стремлении к командным постам, у калмыков в особенности); гордость (которая свидетельствует о развитом самосознании личности и является вполне положительным качеством, если не перерастает в гордыню); этизм (от слова «этика»: где превыше всего ценится этичность поступка, культура определяется этической).

* * *

Подведем итоги данного обзора, учитывая также выводы нашей предыдущей статьи по теме национального характера тюркоязычных народов Центральной Азии — казахов, алтайцев, тувинцев, хакасов (Ламажаа, 2013б).

Данный обзор был ограничен не только в силу объективной невозможности объять полный перечень публикаций по теме, но и в силу языковой недоступности — не учтена литература на монгольском языке. Соответственно в нашей статье представлены прежде всего гетеростереотипы монголов. Разумеется, и калмыцкая, и бурятская темы также нуждаются в аутентичных текстах, однако, здесь мы можем опираться на публикации тех же авторов на русском языке.

Как монгольские, так и тюркоязычные этносы региона, будучи коче-

выми по культуре, будучи сформированными в результате сложных этнических процессов родственных образований и в сходных природных условиях, конечно, имеют сходные черты с точки зрения как традиционной картины мира, так и черт национального характера. Близость к природе, своеобразное слияние с ней, родоплеменная организация социальной жизни, традиционализм — константы кочевых культур данных народов. Но есть и своеобразные черты, обусловленные историческими перипетиями, исторической памятью, а также временем и характером взаимодействия с другими этносами, в том числе родственными, кочевыми. Как метко выразился один из авторов: весьма распространенное заблуждение — считать монгольские и тюркские народы чем-то абсолютно идентичным, ведь разница между ними есть и она примерно такая же, как между западными славянами и восточными. Однако, сколь либо развернутого исследования по данной теме нам обнаружить еще не пришлось, не считая монографические работы в целом по этнопсихологии, которые включают в себя самые сжатые обобщенные портреты разных народов, языковых общностей.

В нашем обзоре основное место занимают описания традиционных черт национального характера, каковые пытаются ухватить их авторы с целью зафиксировать то, что было сформировано давно, общепринято, понятно. Отдельной темой для обсуждения является тема трансформации черт национальных характеров представителей этносов в ходе изменения социальных условий в XX, XXI веках. Особенно важно это для обсуждения проблематики модернизации как осовременивания бывших традиционных обществ — насколько возможно это осовременивание, что может быть принято достаточно быстро, а что — нет в зависимости в том числе от темперамента представителей этносов, от привычных им черт характера.

Список литературы:

- Баларьева, Т. Б. (2004) Фольклоризм современной бурятской прозы : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Иркутск.
- Бичеев, Б. А. (2004) Дети неба — синие волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. Элиста.
- Буяндэлгэр Одгэрэл (2012) Эффективность учебной деятельности мон-гольских студентов с различными акцентуациями характера : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.
- Буянтуева, Б. Ц.-Д. (2010) Художественное постижение национального характера в романе А. Ангархаева «Вечный цвет» // Мир науки, культуры и
- Буянтуева, Г. Ц.-Д. (2011) Особенности национального менталитета в литерату-

ре монголоязычных народов (на примере романа А. Ангархаева «Мүнхэ ногоон хасуури») // Монгольский мир : новый век – новые вызовы : материалы всерос. науч.-практ. конф. (24-25 июня 2010 г.). Улан-Удэ : Бэлиг. С. 430–434.

Васильева, М. С. (2009) Этническая педагогика бурят и глобализация. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та.

Гармаева, С. И. (1997) Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ : Изд-во БГУ.

Данчинова, М. Д. (2007) Категории пространства и времени в художественной картине мира (в прозе В. Митыпова, романе И. Калашникова «Жестокий век», лирике Б. Дугарова, Г. Раднаевой). Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета.

Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году (1771). СПб. : Тип. Императорской Академии Наук.

Дугарова, Т. Ц. (2012а) Феноменология этнического самосознания бурят. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та.

Дугарова, Т. Ц. (2009) Этническое самосознание личности: мифологический дискурс // Вестник Бурятского госуниверситета. № 5. С. 45–53.

Дугарова, Т. Ц. (2010а) Особенности этнического самосознания современных бурят России : автореф. дисс. ... д-ра псих. н. М.

Дугарова, Т. Ц. (2010б) Особенности этнического самосознания бурят // Развитие личности. №1. С. 225–238.

Дугарова, Т. Ц. (2012б) Человек в условиях сопряжения между миром родовых традиций и миром интеграции культур // Развитие личности. №1. С. 188–207.

Елаев, А. А. (2000) Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. : Шанс.

Елаева, И. Э. (2004) Этническая идентичность бурят в постсоветский период // Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. С. 577–587.

Елаева, И. Э. (2005) Религиозность в контексте этничности // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск.

Жуковская, Н. Л. (1999) Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М. : Наука.

Иванов, А. В. (2009) Монгольский лик Евразии [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/482-mon-face-of-evrazia.html (дата обращения: 12.05.2013).

Канарш, Г. Ю. (2013) От «индивидуальных» характеров — к национальным // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 93–98.

Крысько, В. Г. (2008) Этническая психология. 4-е изд. М. : Академия.

Крысько, В. Г. Этническая психология [Электр. ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/03.php (дата обращения: 09.08.2013 г.)

Ламажаа, Ч. К. (2013а) К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 99–108.

Ламажаа, Ч. К. (2013б) Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. Электр. журнал. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6479-lamazhaa.html (дата обращения: 12.09.2013).

Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст (2008) / С. Ж. Балданов, Б. Б. Бадмаев, Г. Ц.-Д. Буянтуева / отв. ред. А. Л. Ангархаев. Улан-Удэ : Изд-во БГУ.

Майский, И. М. (1921) Современная Монголия: Отчет монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всерос. центр. союза потреб. о-в «Центросоюз». Иркутск : Госиздат «Знание — Сила», Иркутское отделение.

Минаев, С. Национальный характер калмыков [Электр. ресурс] // Kalmyk. Information portal. Калмыцкий информационный портал. <http://kalmyk.info/index.php/en/menu-cultural/10-traditions/116-kalmyk-nation-image> (дата обращения: 15.08.2013 г.).

Минаев, С. Четыре типа калмыцкой красоты [Электр. ресурс] // Нутгин зөөр” гидг Хальмг олна сангин официалън сайт. Официальный сайт Кал-мыцкого общественно-го фонда “Национальное достояние”. URL: <http://www.nutug.ru/kulitura/minaev6.htm> (дата обращения: 15.08.2013 г.).

Монгольский менталитет в бизнесе [Электр. ресурс] // Монголия сейчас. URL: <http://mongolnow.com/Bussines.html> (дата обращения: 12.05.2013).

Небольсин, П. И. (1852) Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.

Ососков, А. С. (2008) Духовный мир монголов: традиция и современность // Методология российско-монгольских этнокультурных исследований. Саратов : ИЦ «Наука». С. 4–34.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2012) Монголия в мировом сообществе цивилизаций и народов [Электр. ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_16/5642-popkov-tyugashev.html (дата обращения: 12.05.2013).

Сангадиева, Э. С. (2004) Концепция мира и человека в бурятском романе 1960–1970-х гг. : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Улан-Удэ.

Серебрякова, З. А. (2004) Художественное постижение национального характера // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 18-19 ноября 2004 г. Улан-Удэ. Т. II. С. 237–249.

Серебрякова, З. А. (2006) Некоторые черты национального характера коренных народов Сибири // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: сб. тез. и докл. Улан-Удэ. С. 308–312.

Серебрякова, З. А. (2007) Национальное и общечеловеческое в характерах бурятского романа // Интеллигенция и взаимодействие культур: материалы VI Междунар. науч. конф. (Байкальская встреча) (26-29 июня 2007 г.): в 2 т. М. – Улан-Удэ. Т.2. С. 202–206.

Серебрякова, З. А. (2009) Бурятский роман 1940–1980-х гг.: Национальный характер в контексте истории : автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Улан-Удэ.

Халхарова, Л. Ц. (2007) Проза Ц. Цыдендамбаева: специфика создания национальной картины мира : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Улан-Удэ.

Хилханова, Э. В. (2007) Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят (дискурсно-аналитический подход). Улан-Удэ.

Чимитова, С. Ч. (1993) Этнопсихологические особенности воспитания бурятской молодежи : автореф. дисс. ... канд. пед. н. М.

Шинкарев, Л. И. (1981) Монголы : Традиции. Реальности. Надежды. М. : Советская Россия.

Шинкарев, Л. И. (2006) Цеденбал и его время : в 2 т. М. : Собрание.

Выражаю искреннюю признательность коллегам за консультации: д-ру филол. н. Т. Г. Басанговой (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН), д-ру псих. н. Т. Ц. Дугаровой (Бурятский государственный университет).

Дата поступления: 10.09.2013 г.

NATIONAL CHARACTER OF MONGOLIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Ch. K. Lamazhaa

Abstract: Article reviews the literature over the national character of different Mongolic peoples of Central Asia. It will become a bibliographical basis of electronic database “National mentalities: study in context of globalization and culture intercommunion”.

Keywords: national character, Central Asia, database, review, description, Mongols, Buryats, Kalmyks.